

ВОЛОГОДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РГГУ

Очередная этнологическая экспедиция Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока (ЦМБ) Российского государственного гуманитарного университета проходила в поселении Андомский погост Вытегорского района Вологодской обл. с 26 июня по 26 июля 2006 г. Андомский погост, включающий ныне около 30 деревень, впервые упоминается в документах в 1496 г. Его население составляет около 2200 жителей. В школе одноименного центрального села Андомского погоста имеется краеведческий музей.

В экспедиции участвовали студенты А.Г. Айдакова, М.С. Глошкина, А.А. Голованова, И.В. Захарова, А.А. Ефремова, И.А. Канева, Н.А. Кузнецова, С.Ю. Кукол, Д.С. Николаев, Е.В. Публичук, А.А. Соловьева, К.А. Хомякова и Д.Н. Шайкенова. К ним присоединились также выпускники и аспиранты РГГУ прошлых лет: М.Д. Алексеевский, М.С. Зенгер, А.Б. Ипполитова, Е.А. Клушина, Т.А. Кузнецова, О.А. Симонова и Д.М. Шлепнев. Руководили экспедицией аспирантка Т.С. Ильина и профессор А.Л. Топорков. Помимо Андомского погоста мы работали также в соседних деревнях Гонево, Сорокополье, совхозе Октябрьский, на Саминском погосте.

Целью экспедиции был сбор материалов по традиционной культуре и современной социальной ситуации Русского Севера (см.: ЖС. 2004. № 2. С. 45—46; 2005. № 1. С. 44; 2006. № 1. С. 50). Итоги предыдущих экспедиций частично подведены в сборнике «Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика» (М., 2006. Вып. 1. С. 42—122).

В этом году интересные материалы были собраны по следующим темам: социальная ситуация, родинная обрядность, похороны, народная медицина, демонология, скотоводство, магия слова, календарные праздники. Систематическая работа

проводилась с местной знахаркой М.И. Площицной: записаны десятки заговоров, произведена видеофиксация нескольких сеансов магического лечения. Большой видеоматериал отснял выпускник ЦМБ Д.М. Шлепнев.

Как и в прошлые годы, в экспедиции проводился семинар, на котором выступили: М.Д. Алексеевский с докладом «О причитаниях Олонечского края»; А.А. Голованова («Свадьбы у разных поколений жителей Андомы»); А.А. Ефремова («Рассказы местных жителей о детстве во время Великой Отечественной войны»); Т.С. Ильина («Магия слова на Русском Севере»); Е.А. Клушина («Домовые и черти в крестьянской избе»); Т.А. Кузнецова («Социальная ситуация в Андоме»); С.Ю. Кукол («Девиантное поведение в Андомском погосте»); Д.С. Николаев («Народное православие в Андоме»); Е.В. Публичук («О работе со знахаркой М.И. Площицной»); А.А. Соловьева («Экономическое положение семей в Андоме» и «Эрос в Китае»); А.Л. Топорков («Символика печи в крестьянской культуре» и «Противостояние Москвы и Петербурга в русской культуре»); К.А. Хомякова («Магазины Андомы как социокультурное явление»).

Участники экспедиции также совершили ознакомительные поездки в Вытегру, на Андомскую гору, в Саминский погост.

Большую помощь в организации работы экспедиции оказали директор андомской школы В.Б. Андрейчук, учитель истории Н.Н. Ионкова, руководитель фольклорной студии «Олония» Н.А. Митрошкина (школа № 1 г. Вытегры). Всем им выражаем глубокую благодарность.

А.Л. ТОПОРКОВ, чл.-корр. РАН;
Российский гос. гуманитарный университет
(Москва)

Фольклорные материалы из Андомского погоста

Явление лешего, водяного, дворового

Вера в хозяев различных локусов (лешего, водяного, домового) до сих пор актуальна. В Андомском погосте считается, что в лесу живет леший, в воде — водяной, в доме — домовый, а в болоте — черти: «Так говорят, что да — черти вот... про болото, в основном связано с болотом, черти. Леший — хозяин леса, водяной — хозяин воды. Это в воде: озёрах, реках» (д. Марино, А.А. Полякова, 1985 г.р., зап. С.Ю. Кукол).

Многие рассказывают о своих встречах с лешим, водяным и другими демонологическими персонажами. Иногда это происходит из-за того, что человеком был нарушен некий запрет. Так, женщина, увидевшая дворового в виде старика, объяснила это тем, что потревожила его, выйдя во двор после полуночи: «В жизни у меня был-то один случай. Я ещё была... в общем, начинала холостовать, вот со своим мужем холостовала. Пообещался он прийти на танцы. Не пришёл, пришла я домой, легла спать. Но а раньше в деревнях дак кухня, комната, как в горнице. А заходила... мама всё меня запускала летом дак в двери. Потом ска... говорит: "Ой, девка, надоело мне вставать в двери. Заходи-ко по двору". Ну, по двору дак по двору. А летом вот так скотина, корова не во хлев, а на дворе дак. Зайду, там у нас дыра была, я палку сдёрну — и домой. Ну и тут тоже... Этот не пришёл... Домой пришла, на меня

така страсть навалилась. Я палку сдёрнула, быстрее заклала, бегом-бегом-бегом-бегом-бегом. Думаю, меня кто-то схватит сейчас. А мама мне и говорит: "Ты что, девка, тут бежишь-то эдак?" — "Да, мама, ничего!" Я ей не рассказала. Легла я спать. Легла я лицом... ну вот как у нас кровать-то было, дак на окно, а спиной, наизначь значит, в комнату. Минут, наверное, пять полежала, стала переворачиваться лицом на... в комнату, наизначь, а мама, значит, там, в этой спальне спала, а я в большой комнате. Передо мной стоит высокий-высокий мужик, борода длинная, кушак красный, и всё как в тумане кажет мне. Я на это перевернулась, да надо мной этот мужик-то такой стоит. Я и закричала: "Ой!" — а мама и говорит: "Девка, ты чего?" — "Мама, у моей кровати стоит старик высокий, борода белая, кушак красный". И он ушёл, как вот тоже в тумане. Ушёл. На тут женщины эти жили в деревне дак, стали рассказывать, дак они сказали: "Нечо по двору ходить после двенадцати часов — нечо во дворе делать". Я потом как на гулянку идти, дак замок... [смеется] замок накладу, мама и скажет: "Девка, ты замок накладёшь, дак ко мне... мне не выйти, и ко мне никто не зайдёт". От такой случай раз был, да. [А кто же это был?] Говорят, дворовой. От. Я тут не спала я нисколько. Вот это было, да. В это я поверю. [Бывало такое, что страсть?] Да, страсть, да. У нас было, домой со двору 12 ступенек в крыльце, так я бегом-бегом, что вот тут меня кто-то схватит» (д. Марино, М.В. Перепелица, 1941 г.р., зап. А.Л. Топорков, Т.С. Ильина).

В другом рассказе за беспокойство хозяина локуса (водяного) человек поплатился жизнью: «Плот был через реку. Это, голову-то отрубил дедко. Себе косой. Ну вот. Поехали на плоту, там пожни, дак там косили, с колхоза человек, наверное, около двадцати на плоту. Но и он с косой, косы, грабли, и он с косой стоял. О самый край. И в реки показалась щука. Но? А ён не рассчитал косой-то, косу ён ещё-то взял. А этой — наклонился да эту щуку-то ладил косьёвищем. А потом поглядели — а голова покатила, этой косой голову себе отрубил. А тут старуха и говорит: "А это, — говорит, — ему показался водяник. Водяной" [смеётся]» (д. Марино, И.Ф. Афонин, 1921 г. р., зап. А.Л. Топорков, Т.С. Ильина).

На Русском Севере существует поверье, что все тропинки в лесу принадлежат лешему. Человек, занявший тропку, может встретиться с лесным хозяином, как это произошло с героем былички: «Вот у меня дочка. Вот здесь у ей свекровь живёт, недалеко здесь. Они ходили на сенокос, туда же, на Илексу ходили. И вот у их сын Игорь, вот. Сейчас он уже, ну, конечно, тоже женатый, всё... Небольшие были, ходили на сенокос и сели отдыхать, сели отдыхать, и была тропинка, ну вот <...> Лёг, лежит. Отец, grit, сказал, что: "Игорь, на тропинке никогда не сидят и не лежат!" — говорит. Зачем... ну! Чё там такое делается, мол... Вот сами, grit, видели: идёт невысокого роста мужичок такой, говорит, маленький. Подошёл, Игоря перешагнул... а там внизу трава такая высокая, говорит, была. И в эту траву. Ну, говорит, лежим, всё... не остановился, не спросил ничего, что как

да что на сенокосе или чего... Ведь как обычно идёт настоящий человек, дак ведь спросит там, что, мол, как да что, да это самое... "Как сенокос?" — да всё... А он молча прошёл, перешагнул его — и в траву. И мы, говорит, следом. Отец сначала пошёл, говорит, туда. Ни следов — ничего, зашёл в травку — всё, как растаял, нигде ничего. Ну потом мы, говорит, все перепугались [смеётся]. Отец пошёл, говорит, туда, на вторую пожню, чтобы это самое, что: "Вы здесь оставайтесь". Игорь: "Я один не останусь". Марина крик: "Я тоже не останусь". Ну дак все, крик, вместе. От... такой случай был. Да вот. Вживую видели, крик, всё вот: идёт небольшого роста старичок, говорит. Это, значит, леший, ведь как... или как... лесовой, как называется? Вот. Резко прошёл, перешагнул его молча и дальше пошёл. [Через него перешагнул?] А вот Игорь, которого сказали, что: "Ты не ложись на это... на тропинку". Да. Он прошёл, перешагнул его — и в траву. И больше его, дак его и не видели. [А что ж с этим Игорем, плохое что-то случилось, заболел?] А ничего, нет, ничего» (д. Трошигино, А.Я. Ковалева, 1936 г.р., зап. А.Л. Топорков, Д.Н. Шайкенова).

В Андомском погосте распространено поверье, что появление нечистой силы может предвещать бедствия. Нам рассказали, как две девочки перед Великой Отечественной увидели лешего в образе Сталина. Они наблюдали за ним во все глаза, а потом случайно «сморгнули» видение. Девочки поняли, что перед ними был леший, поскольку не нашли его следов. Когда они вернулись домой, им сообщили, что началась война: «Мы с одной девчонкой, ну, в общем, перешли в пятый класс. И пошла... надо было 20 километров идти <...> И мы идём, так ровно дорога, ровно-ровно-ровно. Мы идём и глядим вот так, и глядим, глядим, идём и глядим. Сталин идёт. Сталин идёт со своей женой. И точно вот как он в этом, в шинели-то и всё-всё-всё. Сталин. И мы с этой глядим вот так, глядим, глядим, глядим, глядим — не моргаем — глядим. Вдруг потерялось. Видно, моргнули мы, ну, короче говоря, вот метров пять до нас. Даже разговаривают они, и мы слышим, как они разговаривают. Ну вот. И потерялись. И мы: "Ой, куда же Сталин-то ушёл? Ой, куда Сталин ушёл?" Ума-то ведь у нас нет! "Куда Сталин-то ушёл?" Это, ищем, ищем. А песочек... дорожато песочек. Нигде ни следов, а она, видать, на каблуках, видно, что она на каблуках такая. Ведь Сталина и жену-то мы ведь не знаем. Ну вот, да и Сталина-то на картинке-то ведь видали, да всё. Ну вот. Так мы не могли найти. Пришли домой, а нам и говорят: "Началась война". Да вот нам Сталин-то и показался, что началась война. Ну вот. Это нам показался леший. Показался Сталин, Сталиным. И Сталина жена» (д. Михалево, К.А. Зенина, 1926 г.р., зап. Т.С. Ильина).

Другая женщина перед началом войны видела водяного: «А водяной тоже есть <...> У нас там, вот перед войной старуха



Вера Константиновна Федоскова, 1921 г.р., одна из лучших рассказчиц Андомского погоста. Фото А.Л. Топоркова

была... и лес, ягод, всё, говорит, знаю. Ну и пилила по берегу — а сидит мужик на камню, голову так чешет гребешком. "Что год — то хуже, что год — то хуже", — чешет. Я, говорит, поглядела-поглядела, испугалась и обратно, говорит, повернулась обратно и домой ушла. А он так остался — сидит на камню, говорит, на камню. А гребнем чешет, гребнем — там что у него в руках — вот по голове так: "Что год — то хуже, что год — то хуже

будет". [А к чему это он?] Извещал... А потом война началась... Ой, он перед войной это извещал» (д. Новая Деревня, А.М. Харин, 1932 г.р., зап. С.Ю. Кукол).

Если леший и водяной могут предвещать бедствия для всей страны, то домашней предсказывает несчастья, касающиеся конкретной семьи, например болезни: «...вот я спал в спальне и стал выходить ночью, двери открываю — тут он стоит, как вот почти что в дверях. Я-то не рас-



Участница экспедиции А.Г. Айдакова у забора с резным изображением русалки. Д. Гонеево Андомского погоста. Фото А.Л. Топоркова

терялся. Я говорю: "Ты, хозяйюшко, перед чем?" А он мне говорит: "Перед худым". И вот прямо перед... после того руки и ноги у меня стали болеть» (д. Новая Деревня, А.М. Харин, 1932 г.р., зап. С.Ю. Кукол).

Вызывание лешего

Когда в деревне пропадает человек или домашний скот, обычно обращаются к женщинам, которые «знаются с лешим». Чтобы найти пропавшего, они ходят в лес и в одиночестве совершают определенный обряд. Если за ними тайком увяжется любопытный, леший может в наказание отхлестать людей ветками: «[Л.И.]: Так одна старуха колдунья была. Ходила, с лешим разговаривала. В лес, в лес <...> Она вот придёт в лес, его вызовет, вот он приходит — такой же человек, приходит такой, такой же ростом, невысокий. Глаза, говорит, как у кошки. От разговаривает с ней: "Там-то корова, в том-то месте" <...> Вот, и так же человека такого-то. [А.М.]: Так же человека — попросят, и... она сходит. [Л.И.]: Однажды... она ещё вызывает как-то. Так от... Один что-то у них, пошла, а сзади этот как бы подхвостник за ней. [А.М.]: Значит, подглядывать. [Л.И.]: Подглядывать, что она там, как разговаривает, да как что... А она его вызвала, а он и говорит ей: "Ты ещё б пришла и подхвостника за собой привела". Да как начал, говорит, по этому прутьями хлопать. [А.М.]: Мож... как услышал. [Л.И.]: Чуть старуху не захлопал до смерти <...> Еле ушла. "Ты, — говорит, — пришла и подхвостника привела". [А.М.]: "Иди, иди одна и ничё тебе не это само..." [Л.И.]: "Ходи одна, а подхвостника не води". А он говорит: "Я пойду, да подслушаю, что она говорит, как с ним разговаривает. Да как она его вызывает". Она там с ним разговаривает, как с человеком» (д. Новая Деревня, А.М. Харин, 1932 г.р., Л.И. Харина, 1929 г.р., зап. С.Ю. Кукол).

Мы записали рассказ о том, как колдунья ходила «отворачивать» пропавших телят и взяла с собой в лес маленькую девочку — мать информантки. Позднее мать описала происшедшее следующим образом: «Так вот я стою сзади ей, а лес, говорит, это, закачался, закачался, потом березья о самую землю хлопают таким... Идёт, говорит, высокий такой старичок, борода длинна [показывает длину бороды]. Ближе стал подходить, всё меньше, меньше, меньше. Как вот этот, человек нормальный. Ну и ён ей сказал: "Так что ты с подхвостником пришла?" Ёна [мать] сзади стояла, и ён всё равно знаг. "Ну, гвори, чего пришла?" А у нас у одного телятка потерялся. Ну и ён сказал, что телятка на Каменке [название местности]. "Но, приведёшь, придёшь, например, вот с ребёнком-то небольшим — а живая не уйдёшь!" Повернулся, да потом как лес зашумел, да опять березья захлопали, и ён и ушёл. И ёна больше шабаш ходить. Ну вот, ни на лицо-то вызывать-да, ни той страшно, а так-то страшно. А Шура тогда стала-то, ста-

ла, вот у нас потерялись телята. Я пришла, так ёна и говорит: "Я, — говорит, — теперь не могу вот ходить, на лицо вызывать боюсь". Не пошла» (д. Князево, Е.Ф. Демидова, 1927 г.р., зап. А.Л. Топорков, Е.А. Клушина).

Леший наказывает за любопытство: когда один человек вызвал его по просьбе друзей, не веривших в существование нечистой силы, лесной хозяин появился и навредил мужикам: «...а вот в Замошье был этот, Ханаев Пётр... Но я буду называть Пётр, Пеша Ханаёв. Но вот и он знался с этим, с лесовиком. Но вот, говорит, с лесовиком. Но вот ты... А мужики-то стали выпивать, и рассказывал это. Стали выпивать вино там вечером. А это, мужики что говорят: "Ты, — говорит, — с нечистой силой знаешься, дак нам покажи, вызови нечистую силу-то, — говорит, — вызови". — "Так как я пойду вызывать, ей вызовеш нечисту силу, а вы тут что?" — "А мы поглядим: правда ль нет, что есть аль нет нечиста сила". — "Ну ладно, выходите, этот, становитесь тут, я сейчас вызову". Поговорил — никого не было там, что поговорил... Лесовик идёт — метра три, с лесу. Прямо к нему. Мужики на колена пали. Но, это, что не видали. И он с ним поговорил: "Чего вызывал?" — "А вот ёны интересуются: есть аль нет нечиста сила". А ён рукой махнул — и три километра изгороди, как прошёл — изгороди не стало. Всю изгородь раскидал. Потом, это, мужикам и говорит: "Вот вызывали, так теперь изгородь городите". Всю изгородь раскидал: вот так и... Теперь-то вот нечиста сила, значит, есть [смеётся]. Бог есть, и нечиста сила есть» (д. Марино, И.Ф. Афонин, 1921 г.р., зап. А.Л. Топорков, Т.С. Ильина).

Колдовство

В Андомском погосте рассказывают про случай, когда колдун, обидевшись, что его не пригласили на свадьбу, сделал так, чтобы жених стал казаться невесте змеем: «...у меня мама своя покойная рассказывала. Она вышла за папу — ей было 17 годов — замуж, ну, она вышла... Наша-то деревня, только за 15 километров. И делали свадьбу. А один у нас мужчина такой там в Князевой вот в деревне жил, здесь стары давно уж умерли, но он малтал [знал, умел], как и свадьбу извести. А женился, свадьбу-то стали дома делать, а его не пригласили. Так мама говорит, она-то нам потом рассказала, говорит: "Вот, Веруха, — говорит, — вот сажу за столом, а он, — говорит, — сидит, вот как вы сидите рядом, а как я, — говорит, — сажу, а ён как будто змея около меня вертится, а не мужчина". Вот люди каки были. А потом снова-от его вот пригласили — наладили. А теперь нету таких людей» (д. Марино, В.К. Федоскова, 1921 г.р., зап. А.Л. Топорков, Т.С. Ильина).

В другом случае из-за порчи на свадьбе муж показался жене медведем: «Мама ещё тоже вот, мне тоже рассказывала: тоже замуж вышла за отца — тоже так

же ей сотворили, тоже, говорит, тоже... "Отец как медведем мне казался, вот. Как заходит домой — медв... самый настоящий медведь, — говорит. — Я не могла глядеть на него. Он ко мне со всей душой, а я, — grit, — не могу на него даже глядеть. Медведь, настоящий медведь был", — говорит. Тоже вот делали там женщины, видно, какая-то сотворяла. А потом ей сказали, что <...> там ещё была женщина, в общем, тоже... и мама там, в общем... "Сидели, — grit, — чай пили и обеды, там, да всё". И вот, чё она там ей поставила? "Чаю ли дала, ли что такое, — говорит, — я, — говорит, — раз попила, — говорит, — поглядела, — grit, — раз... чё-то вроде как белее, — говорит, — стал". Второй раз опять... а... Я... Яковом звали отца... Он говорит: "Надя, чё ты на меня смотришь так?" Надей звали маму. Она grit: "Не верится даже: белый, совершенно белый стал. Был как медведь, сидел, — grit, — чёрный-пречёрный такой. Я говорю: "Яша, ты, — говорю, — чё-то как это... так-то был такой-то тёмный, — говорит. — А шас, дак стал как... белый стал — говорит. — Белое, — говорит, — лицо, — grit, — белое такое стало и всё" <...> [Это на свадьбе испортили?] Наверное, на свадьбе испортили. "От всё, — grit, — всё было хорошо, и всё, а тут, — grit, — так... Господи, настоящий медведь приходит", — говорит. Он лесничим у нас работал» (д. Трошигино, А.Я. Ковалева, 1936 г.р., зап. А.Л. Топорков, Д.Н. Шайкенова).

Покойники

Покойники часто являются в снах своим родственникам, требуют, например, чтобы живые не пользовались их вещами: «[Кладут ли в гроб крестик?] А крестики кладовают. Крестика у сына не клала его, крестик, у меня, верно, затерялся он что, аль что, али Люська не клала, невестка, ну вот, а я потом нашла, говорю, ой, мне класть-то на шею, ак ён мне во снех показался тоже: "Мама, снимай мой крестик, а то я тебя задавлю". Да я и сняла [пауза]. Видишь» (д. Марино, О.К. Никитина, 1924 г.р., зап. А.Л. Топорков, А.Г. Айдакова).

В то же время представления о мире мертвых имеют бытовой характер: «...вот мы примерно вот Сергея хоронили, Сергея вон, моего мужа, а у него лежал отец, а зять копал могилу. "Папаша, мы сегодня... мы сегодня сына к тебе привез... привезём, встречай". Так он зятю-то нашему показался во снех сразу же. Этот дедушка-то. "Ты привёз, — говорит, — а меня дома не было. Я был на работы в Устёновой, через реку". Вот кладбище, а там деревня через реку, Устёнова. "Я, — говорит, — был на работы в Устёновой". Вот. Вот так похоронили мы его хорошо всё. [А что это за работа?] А вот уж они там знают, они. Господь Бог знаг. Это уж не мы» (д. Марино, О.К. Никитина, 1924 г.р., зап. А.Л. Топорков, А.Г. Айдакова).

Т.С. ИЛЬИНА, аспирантка Российского гос. гуманитарного университета (Москва)